

Шесть часов пятнадцать минут продолжалось это собрание, в повестку дня которого был вынесен всего один вопрос: «Творческая обстановка и моральный климат в труппе».

По мнению председательствовавшего народного артиста СССР Ю. Владимиров, коллектив балета проявил неслыханную дисциплинированность, явившись почти в полном составе. В ходе собрания выступили 32 человека (а некоторые поднимались на трибуну дважды). Конечно, изложить хотя бы короткие фрагменты всех выступлений не представляется возможным, но считаю необходимым процитировать тех ораторов, что обнажили основные, «болевые» точки, вокруг которых и разгорелся острый, нелицеприятный разговор.

— Все мы, собравшиеся здесь, — начал выступавший первым заслуженный артист РСФСР И. Мухамедов, — гордимся Большим театром, дорожим его славой и мечтаем о новых достижениях и успехах. К сожалению, обстановка, создавшаяся сейчас в балетной труппе, мешает нормальному творческому процессу. В связи с этим ведущие солисты и педагоги написали письмо в ЦК КПСС.

По просьбе собравшихся оратор зачитал его. В письме, в частности, говорится, что немалую роль в создании нездоровой атмосферы играют партком театра и партбюро балета ГАБТа в лице гг. Григорьева Ю. А., Розановой Т. А., Богатырева А. Ю., Низова В. К., не сумевших достаточно объективно разобраться в процессах творческого состояния балета, переживающего сегодня, как и все театральное дело страны, непростой период перестройки. Вместо того чтобы вынести наиболее важные вопросы на ши-

ном звучало два мнения — диаметрально противоположных, по сути дела и разделивших труппу: «за» или «против» Григоровича.

Решительно встал на защиту секретаря партбюро народного артист СССР В. Васильев, назвав собрание «публичным избиением Розановой». Вы сейчас вывесили два документа, сказал он, — выступление Розановой на пленуме СТД и интервью Григоровича. Я считаю, что они очень хорошо характеризуют обстановку в нашем театре: в одном документе — выступлении Розановой, — с моей точки зрения, все правда. А в интервью Юрия Николаевича слова вроде бы верные, но за этими словами просматривается несоответствие делам. Я никогда и нигде не отрицал того влияния, которое Юрий Николаевич оказал на несколько поколений, в том числе и на наше. Но хочу, чтобы вы поняли, что Большой театр — это не театр Григоровича. Будет Юрий Николаевич — не будет его, Большой театр все равно будет жить.

Не думайте, что мы только и ждем того дня, чтобы прийти и захватить власть в свои руки. Мы за честное соревнование, в котором можно проповедовать свои идеи, доказывать свою значимость в искусстве.

Собрание было на редкость демократичным. Слово получали все желающие. Поднялся на сцену и присутствовавший в зале председатель профкома ГАБТа артист балета С. Радченко. Он предложил не смещать акценты: не разбирать творчество Григоровича, а говорить о моральном климате в коллективе. Прежде свой победоносный доклад Григорович неизменно начинал с гастрольной деятельности, потом делился планами, заметил оратор. Теперь главного балетмейстера уже не волнуют творческие планы. Главное — сколько зарубежных поездок удастся осуществить. Иной, чтобы попасть в число выезжающих, готов терпеть любой характер, даже такой колючий и истеричный, как

можно выбросить Васильева, Максимова, Плисецкую? Их надо было привлечь к театру, дать роли, в которых они могли бы еще заблестеть.

— Считаю необходимым выступить здесь от лица молодежи, принятой в труппу театра в нынешнем году, — сказала артистка Т. Андропова. — Конечно, не стану скрывать, что мы знали о проблемах театра, когда еще были студентами училища. Но для нас уже тогда был однозначен авторитет главного балетмейстера. По его спектаклям мы изучали историю советского балета, восхищались его премьерными и завидовали всем, кто имел возможность творческого контакта с Юрием Николаевичем. Молодежь театра открыто и прямо заявляет о своей приверженности Григоровичу.

В числе последних взяла слово секретарь партбюро балета артистка Т. А. Розанова, отвечавшая на вопросы, заданные ей в ходе собрания.

— Вероятно, все всех устраивает? — спросила она. — Нет, скорее только определенную группу, которая и организовала это собрание и защищала на нем главного балетмейстера. Это те люди, что греют руки около Григоровича и будут греть, покуда он настолько доверчив к ним и каждый их приход в свой кабинет воспринимает как честный довод.

А вот с партбюро, к сожалению, Юрий Николаевич не очень желает встречаться, — заметила Т. Розанова. — С самого первого дня нами была предложена художественному руководителю масса вопросов, волнующих нас. И мы неоднократно предлагали Григоровичу встретиться с нами. «Я с вами собираться не собираюсь», — ответил Юрий Николаевич. Потому, не находя у него поддержки, мы обращаемся в партком театра, который и помогает нам решать вопросы, названные Григоровичем «беспольными», «ненужными», «бесцельными».

Если говорить о творческих позициях в моем выступлении на пленуме СТД, то я руководствовалась не только личным мнением, но и постановлением парткома театра, партбюро балета, партсобраний, на которых присутствовали 60 коммунистов труппы. Внесу ясность и относительно «круглого стола», на который не был приглашен балет. Но эта встреча с прессой и не должна была касаться труппы. Данное мероприятие целиком организовал и провел партком театра.

В конце выступил генеральный директор ГАБТа СССР и КДС В. Коконин.

— Нужно было, чтобы такое собрание у нас состоялось, — подчеркнул он. — Я бы не стал вдаваться в сущность разногласий, поставил бы вопрос: как быть дальше?

Что я почувствовал, придя в театр после некоторого перерыва? С 1982 года в Большом постоянно кого-то свергают. Помню, как освобождали Б. А. Покровского. Он подал заявление, ушел. Принесло это что-то ГАБТу? Кроме вреда — ничего. Следующий номер программы — уход главного дирижера Ю. И. Симонова. Взамен было предложено сформировать дирижерскую коллегию. Ничего толкового из этого не получилось.

Не говорю о других уходах. Нечто подобное сейчас происходит в балете. Конечно, вы вправе предъявить претензии и друг другу, и своему художественному руководителю. В одном у меня нет сомнения: альтернативы Григоровичу у нас на сегодняшний день не существует.

Мы мало думаем, что будет потом. Репертуар, которым владеем, создавался более 20 лет. Пришло ли время таких кардинальных перемен? Если даже пришло, то все равно отказываться от ведущего балетмейстера не имеет смысла. Хорошо знаю и то, что в историю искусства входят не члены партбюро, не директора театров, а настоящие художники. Мне бы не хотелось быть директором ГАБТа, при котором из Большого ушел Григорович.

Подавляющим большинством голосов профсоюзное собрание коллектива балета Большого театра СССР приняло решение, в котором выразило полную поддержку творческой и административной линии руководства балета и лично главного балетмейстера и художественного руководителя Ю. Н. Григоровича. А одним из пунктов постановляющей части записало: администрации совместно с общественными организациями создать нормальные условия для работы.

Ровно через 10 дней после того собрания Ю. Н. Григоровича, возвратившегося из деловой поездки в США, труппа ждала в Бетховенском зале. И Юрий Николаевич пришел. Поднявшись на сцену, он искренне поблагодарил 247 человек коллектива, направивших ему письмо с просьбой продолжить работу на посту художественного руководителя балета и главного балетмейстера Большого театра. Далее он зачитал постановление партийного комитета ГАБТа СССР и КДС от 13 января 1989 года, опенившее решение профсоюзного собрания коллектива балета от 10 января как попытку дискредитировать направление работы партийной организации театра.

Закончив читать этот документ, Григорович сказал:

— Я хотел работать и готов работать. Но дискредитация меня как художника не заканчивается, а только начинается.

С этими словами он покинул зал.

О. СВИСТУНОВА.
(Корр. ТАСС).

«ЗА» или «ПРОТИВ» ГРИГОРОВИЧА?

Репортаж с общего собрания трудового коллектива балета Большого театра

рокое и откровенное обсуждение перед артистами балета и сообща решать их, эти люди занимаются разжижением пагубных разговоров вокруг одного имени — художественного руководителя балета, главного балетмейстера Большого театра СССР Ю. Н. Григоровича.

Наша культура уже имеет печальный опыт подобной травли художников, когда в аналогичной ситуации они теряли силы для дальнейшей борьбы, а интеллектуальный потенциал страны истощался. Наша задача — оградить поистине талантливого человека от ненужной суеты. Пора положить конец досужим разговорам и заниматься делом.

Большинство труппы ценит спектакли Григоровича, выросло на них и продолжает на них учиться. Демократия не исключает единоначалия. Худрук и главный балетмейстер должен сосредоточивать в своих руках бразды творческого правления. Это естественно, и не может быть заменено хаосом и анархией.

Не основательно крушить Григоровича и за то, что он не выпустил вовремя «Болт» или «Мастера и Маргариту». Последний балет еще не закончен композитором, следовательно, здесь вина не Григоровича. А возрождать «Болт» очень трудно; и неудивительно, если большой художник хочет еще раз все продумать и взвесить... Это не причина для травли, в результате которой мы можем потерять мастера, одного из основоположников советского балетного искусства. А это будет трагедией для всего нашего театра.

Признаюсь, за свою журналистскую практику мне нередко доводилось присутствовать на разных собраниях в творческих коллективах, но такого — даже сейчас, во времена гласности, — не припомню. Речи, звучавшие в Бетховенском зале, были настолько смелы и откровенны, что подчас пугали своей прямоотой.

— В связи с выступлением И. Мухамедова, — сказала с трибуны народная артистка РСФСР А. Михальченко, — у меня тоже появилось желание поговорить о ненормальной обстановке, продолжающейся в течение года в нашем коллективе, о секретаре партбюро балета Т. Розановой и задать ей несколько вопросов.

Во-первых, как в эпоху гласности в нашем театре мог быть проведен «круглый стол» (о чем я узнала из газеты «Советская культура») с участием критики и прессы, но без приглашения коллектива балета? Я не понимаю, на каком основании Т. Розанова, выступая на пленуме правления Союза театральных деятелей от имени всего коллектива, посмела исказить факты, сказав, что уволены из ГАБТа М. Плисецкая, Е. Максимова и В. Васильев? Или она сознательно забыла добавить, что они переведены на договор и имеют спектакли в театре? Напомню, что на договоре работала великая Уланова, и не только она, но и наши выдающиеся балерины Семенова, Стручкова, Кондратьева, Карельская.

Мы все очень уважаем наших замечательных предшественников, гордимся ими, равняемся на них. Идет трудная смена поколений, и это надо понимать. Да, молодость в балете имеет немаловажное значение. Странно, что такой простой вещи не понимает секретарь партбюро. До вступления в партию я редко сталкивалась с Т. Розановой, но сейчас, узнав ее очень хорошо, предлагаю коллективу в связи с ее выступлением на пленуме СТД, содержащим искаженные факты, поставить вопрос о возможности пребывания Т. Розановой на посту секретаря партбюро балета.

Надо признать, что каждый выступавший выражал свою точку зрения. Однако в основ-

у Григоровича. Кто с ним не согласен, может уходить из труппы, путь свободен. Через своих «помощников» Григорович сделал все, чтобы избавиться от выдающихся мастеров. Оратор выразил убеждение в том, что нужны новые лидеры, иные формы взаимоотношений.

Однако такой взгляд, судя по реакции зала, не нашел особой поддержки у собравшихся. Большинство из них занимало и отстаивало другую позицию.

— Посмотрите на кисть человеческой руки, — обратился к аудитории с простым примером заслуженный артист РСФСР А. Ветров. — Она состоит из пяти пальцев. В нее можно взять перо, резец и создать произведение искусства. Если отнять какой-то палец, кроме большого, будет уродливая рука, но все же в нее по-прежнему можно взять инструмент художника. Но если лишится большого, главного пальца, то в эту руку не возьмешь ни кисть, ни резец и ничего ею не создашь. Призываю задуматься об этом.

Абсурдной назвал мысль о разделении должностей художественного руководителя и главного балетмейстера артист С. Бобров.

— Вы никогда не пытались представить себе, что Ленинградский БДТ возглавляют два человека — Георгий Товстоногов и, скажем, Марк Захаров? — спрашивал он и сам же отвечал: — Все понимают, что такое невозможно. Другое дело, если на смену мастеру придет новый признанный лидер. Но разве есть в советском балете фигура, сопоставимая с Григоровичем?

Образную метафору употребила в своем выступлении народная артистка СССР Н. Павлова.

— В настоящее время наш балетный корабль оказался в плавании с заочным капитаном, — сказала она. — Многие стали хвататься за штурвал. Возникла «болтанка», появились признаки морской болезни. И почему-то каждый матрос решил, что может встать на капитанский мостик. Сегодня нам пора расстаться с расхожей фразой, что незаменимых людей не бывает. Нет, они есть и будут всегда. Потому мы говорим: балетный корабль Большого ждет своего истинного капитана — Ю. Григоровича.

Накал страстей нарастал. Неиссякаем был энтузиазм ораторов. В президиум со всех сторон направлялись записки, авторы которых друг за другом подходили к микрофону.

— За 39 лет работы в театре — сначала артисткой балета, потом педагогом-репетитором — я привыкла к тому, что коллектив балета всегда считался самым сплоченным, — заявила народная артистка СССР М. Кондратьева. — Это не значит, что все было гладко. Были и ссоры, и споры, и разногласия, которые мы всегда разрешали сами. Что же мы видим теперь? Непримиримая конфронтация. А началась она с анкетирования, когда молодежь по пятибалльной шкале выставляла оценки нашим мастерам. Такую воспитательную акцию в духе неуважения к старшему поколению провело партбюро. Вполне естественно, что этого не поддержал художественный руководитель. Ему неприятно стало бывать в театре, и он появлялся здесь все реже. Так начался творческий застой. И сейчас надо сделать все, чтобы Григорович вернулся к нам, чтобы вновь появилось то искусство, ради которого мы отдаем силы, жизнь.

— Не ждите от меня гладкой речи, — предупредил старейший педагог народный артист СССР А. Мессерер. — Григорович — очень талантливый балетмейстер, и это было оценено по заслугам. Вина Григоровича и в том, что он не обеспечил новых спектаклей, не прислушивается к мнению художественного совета. Как